

Дмитрий Бученков и «Козырек»/Коллаж: ОВД-Ифно

16.10.2017, 17:02 Москва

РЕПОРТАЖ

«Выше, выше черный флаг, государство нам не враг!»: процесс над Бученковым

В Замоскворецком суде близится к концу процесс над фигурантом «Болотного дела» историком Дмитрием Бученковым. Члена распавшейся анархистской организации «Автономное действие» и заявителя многих левых акций обвиняют в нескольких эпизодах насилия над полицейскими 6 мая 2012 года на Болотной. Обвинение настаивает, что человек в черной одежде и зеленой кепке, попавший тогда на оперативные полицейские видеозаписи, является Бученковым. Защита предъявляет сравнительные фотографии, на которых видно, что лица у «Козырька» и Бученкова совершенно разные. Кроме того, свидетели, бывшие на Болотной в колонне анархистов, все как один утверждают, что Бученков не участвовал в демонстрации 6 мая. В дневнике сестры Бученкова есть запись о том, что 6 числа он приехал в Нижний Новгород на дачу к родителям.

Несмотря на это 13 октября судья Семенова **отклонила ходатайства** защиты о приобщении к делу фотографий Евгения Фельдмана. Фотографии Фельдмана значительно лучшего качества, чем скриншоты из оперативных съемок, но судья не находит это очевидным. Предоставлять время для дальнейшей явки свидетелей защиты суд тоже **считает нецелесообразным**. По мнению Семеновой, оставшиеся свидетели так или иначе «заинтересованы» в чем-то.

Участник команды ОВД-Инфо и фигурант первой волны «Болотного дела» Алексей Полихович сходил на суд к подельнику и написал очередной репортаж про крупнейший политический процесс путинской России и людей внутри него.

**Из материалов «Болотного дела», лозунг анархистов:
«Выше, выше черный флаг, государство нам не враг!»**

Мощь судопроизводства в его непобедимой скукоте. О нее разбивается и солидарность товарищей, и любовь близких, и сочувствие незнакомых. Все это проигрывает, истлеет, отсыреет в архивах, а судопроизводственная скука по-прежнему будет мучить людей — и победит. То есть это заведомо игра либо с плохим результатом, либо с результатом еще хуже. Вам это не нравится? Мне тоже. Что мы можем сделать? Мы можем подать жалобу установленного образца, например.

Я снова в Замоскворецком суде, и тут снова душно, как было на нашем процессе, и как было на приговоре у Вани Непомнящих. Отличия есть. Наши судьи старались обеспечить видимость законности. Судья Семенова стараться перестала.

Телефон стремительно садится, powerbank кончился, я достаю блокнот и ручку. Записывать планирую бегло,

коротко — чтобы меньше писать и больше слушать, и не пропустить ничего важного. Пять лет назад у меня была большая синяя тетрадь в клетку, где я поначалу старался вести учет омовцев-свидетелей, а потом стал использовать просто как черновик.

За моей спиной, на второй скамье для зрителей, сидят Дмитрий Борко и Сергей Шаров-Делоне, хранители «Болотного дела», духи его истории. Борко и Шаров обсуждают, что процесс Бученкова — первый, на котором обвинение не стало показывать видеозаписи с площади. Вообще-то видео были главным доказательством нашей вины в большом материнском деле. Причем доказательством сакральным — не так важно, что именно изображено на видео, важно, что оно было и что его задокументировали правильным способом.

Из показаний рядового ППС Прохорова о **Максиме Лузянине**: Мужчина был плотного атлетического телосложения с ярко выраженным, сильно раскаченным бицепсом большого объема. У мужчины были хорошо накаченные мышцы груди и шеи. Накаченные мышцы хорошо выделялись через темную футболку... указанный мужчина стоял в 3–4 метрах и смотрел агрессивным, очень пронзительным взглядом. Я успел рассмотреть очень большой и рельефный бицепс...

Я делаю записи в блокнотик, и мной быстро овладевает то старое ощущение с наших судов — ощущение беспомощности твоих слов, записей и памяти перед стерилизованным радиовещанием судьи и прокурора. Радио — потому что ты никак не можешь повлиять на то, что доносится до тебя из эфира. Но даже разбить приемник о стену ты не можешь, потому что находишься внутри него. И поэтому я тогда в 2013-м быстро переключился с уголовного дела на литературу.

Начинается моя синяя тетрадь с подробных карт, схем, списков свидетелей и конспектов показаний.

А заканчивается угарными цитатами из протоколов, шутками адвокатов и перепиской с подельниками — нас сажали в соседние стеклянные стаканы, ничего не слышно, поэтому каждый писал на своем листочке и показывал ответ через стекло.

Еще в моей тетрадке выведены крупным шрифтом штук двадцать глупых вопросов. Как именно учат всех этих людей в государственных юридических учреждениях? Вот как происходит перековка нормального обычного человека во что-то неживое, переставшее разговаривать человеческим языком? Что происходит в их головах каждый день? Чем они мотивируются?

Об этом хорошо подумать, когда ты на скамейке посередине, напротив судьи, а не как Дима сейчас — напротив государственного обвинения. Когда заседание еще не началось, тихо, адвокаты перебирают ходатайства, готовятся, а пристав тупит в свой телефон.

Из показаний свидетеля Коновалова: По их поведению мы поняли, что митингующие начали бунтовать. Бунт митингующих продолжался примерно 3–4 часа... Люди стали вести себя агрессивно. Из толпы систематически доносились антиправительственные лозунги, такие как «Путин — вор!» и «Пока мы едины, мы непобедимы».

Предсудебную тишину разбивают каблучки гособвинителя. Я слышу, как они ритмично наступают вдалеке, словно возвещая: идет прокурорша, идет прокурорша! Сразу понятно, что это она, так ходить каблучками может только молодая цепкая женщина, облеченная государственной властью. Синий китель,

некрасивая, но красивые волосы, немногословная, но собранная, холодная, но злая.

Такая она и есть. Такая она и должна быть. Точная копия наших прокурорш из 2013-го. Терминатор нового образца.

Из показаний свидетеля Полканова: Наиболее активные выбегали из толпы, кидали камни, а потом убегали обратно и загоразивались женщинами... В толпе была символика, подрывающая государственный строй.

Она ходатайствует о продлении меры пресечения. Она цепляет свидетелей защиты отточенным голосом, возит их по их же показаниям, тыкает в нестыкующиеся детали. Она — дотошный специалист, собирающий модель приговора на конвейере, и все лишнее, попавшее на ленту, нужно выкинуть в урну. Например, фотографии Фельдмана, потому что на них слишком хорошо видно, что «Козырек» — это не Бученков. Например, вообще все видеозаписи, даже оперские, которые есть в деле, потому что там тоже можно что-то разглядеть. Например, дневник сестры Димы Натальи, который свидетельствует, что Бученкова не было 6 мая в Москве.

На заседании сестра рассказывает, что дневник помог восстановить хронику событий тех майских каникул. 6 мая она встретила с братом на даче у родителей в Нижнем Новгороде, а приехал туда он в ночь с 5-го на 6-ое — то есть быть на Болотной Бученков не мог.

— По телефону с братом общаетесь часто? — спрашивает представитель прокуратуры свидетельницу.

— Не очень часто.

— Вы знали о его приезде заранее?

— Знала.

— С его слов?

— Нет, от родителей.

— А как давно вообще ведете дневники?

— Лет с 14.

— А этот конкретно?

— С декабря 2008 года

— В связи с чем вспомнили об этом дневнике только на втором допросе?

— Вспомнила я намного раньше. Почти сразу после первого допроса.

— Но во время первого допроса о дневнике не говорили?

— Нет. Это было неожиданно — следователи приехали ко мне на работу. Знать содержание дневника наизусть я не могу. Позднее я вспомнила, а потом уже по записям проверила точные даты.

— У вас с памятью все в порядке? Вы по памяти можете восстанавливать события? Или только по дневнику?

После того, как Наталья, опираясь на записи дневника, дала новые показания, следователи предложили ей пройти тест на детекторе лжи. Тогда в 2015 году она отказалась, так как не доверяла следствию. Причины на такое отношение у женщины были: ее молодого человека тоже вызывали на допрос в Следственный комитет и там демонстрировали ему страницы из дневника Натальи, пытаясь внушить, что Наталья ему изменяла. Для чего именно это делалось, неясно. Наталья прошла тест позже у эксперта, которого нашла защита.

Из показаний свидетеля Литвинова: А также злостная неуправляемая толпа участников митинга совершала повреждения чужого имущества, выразившихся в том, что неуправляемые люди переворачивали кабинки туалетов, силой нанося по ним удары, тем самым приводя их в негодность...

— В связи с чем вы поначалу отказались от прохождения теста на полиграфе? — продолжает допытываться прокурорша.

— Боялась, что данные теста подделают.

— Кто, по вашему мнению, мог бы это сделать?

Илья Яшин с места громко шепчет «Вы». Судья удаляет его из зала. Кто-то из зрителей усмехается этому, и судья Семенова тут же звенит своим тоненьким голоском в зал: «Что смешного?». Она обретает различимый голос, когда нужно поругать кого-то, а вот когда нужно членораздельно читать свои бумажки, постановления, решения — горло отказывает ей и она сваливается в раздражающий захлебывающийся бубнеж.

Это отдельный повод для смеха — реакция представителей системы на проявления позитивных человеческих чувств. «Что смешного?» — это любимый вопрос-замечание любого фсиновца, мента, судебного пристава. Потому что смех ломает основную линию повествования — а оно тут о беспросветности, о беспомощности. А смехом можно хорошо защищаться или нападать, когда других средств у тебя не осталось.

Болотное дело

Уголовное дело, заведенное после столкновений в Москве на Болотной площади 6 мая 2012 года. Преследованию подвергнуто более 30 человек, одно из самых крупных политических дел современной России.

109 446

Ещё почитать

06.03.2026 [Москва](#)

Против политика из Удмуртии, который больше месяца держал голодовку, возбудили новое дело